

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович
Амфитеатров

Сергей Андреевич Муромцев

«Я не был поклонником С. А. Муромцева. Политический идеал его, выработанный наследием шестидесятых годов, кажется, при свете социалистических зорь XX века, узким, ограниченным и устарелым. В московском университете восьмидесятых годов я был слушателем Муромцева. Читал он дельно, но скучно, и огромный труд его, холодное и сухое «Гражданское право древнего Рима», – кирпич неудобоваримый. Вообще, Муромцев больше обаял аудиторию прекрасною, истинно римскою наружностью и таковою же выдержкою, чем римским правом. Уважали его очень и побаивались как строгого экзаменатора. Любви к нему – такой, как к А. И. Чупрову, М. М. Ковалевскому, В. О. Ключевскому, – не было...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Сергей Андреевич Муромцев**

Я не был поклонником С. А. Муромцева. Политический идеал его, выработанный на следе шестидесятых годов, кажется, при свете социалистических зорь XX века, узким, ограниченным и устарелым. В московском университете восьмидесятых годов я был слушателем Муромцева. Читал он дельно, но скучно, и огромный труд его, холодное и сухое «Гражданское право древнего Рима», – кирпич неудобоваримый. Вообще, Муромцев больше обаял аудиторию прекрасною, истинно римскою наружностью и таковою же выдержкою, чем римским правом. Уважали его очень и побаивались как строгого экзаменатора. Любви к нему – такой, как к А. И. Чупрову, М. М. Ковалевскому, В. О. Ключевскому, – не было.

Отчего же теперь так грустно было мне узнать о внезапной и сравнительно ранней смерти этого – с полным убеждением пишу это слово – замечательного человека? Отчего сами собою сказались слова:

– Какая огромная потеря! Еще силою меньше! Бедная Россия! У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает.

Личность ушла из русского мира. Сильная, большая, выдержанная, стройная личность. А ни личностями, ни выдержкою, ни стройностью, ни силою русский мир не богат, потому что не богат он основою личности – гражданским воспитанием. Ушел Муромцев, и в стане русской интеллигенции осталась широкая, трудно заполнимая брешь.

Муромцев не гений и не вечный человек. Но стотысяче-головые похороны и похвал надгробный плач им вполне заслужены, и великолепно это, что так красиво и пышно свершился его погребальный триумф. И, если поставят ему общественный памятник, это будет тоже очень хорошо. Россия опустила в могилу верного и честного сына своего, который обладал даром, более редким в русском мире, чем талант и даже гений: ясною волею и твердым словом, которого не давши – крепись, а давши – держись.

«Ein Talent, doch kein Charakter»[1], – сказал когда-то поэт Платен, в угоду королю Людвигу Баварскому, о Генрихе Гейне. Последний перевернул эту характеристику в эпиграмму на Людвига Баварского: «Kein Talent, doch ein

Charakter»[2]. Отбросив в сторону эпиграмматический тон Гейне, антитезу его можно до известной степени применить и к Муромцеву. Разумеется, было бы бессмысленною дерзостью настаивать, будто Муромцев был «kein Talent», – у него, как юриста-научника, было дарование несомненное. А так как он был неутомимый работник, то дарование свое он растил последовательною эрудицией, и я не раз слышал от лиц весьма авторитетных, что в московский университет старик Муромцев вернулся лектором несравненно более ярким, сильным, влиятельным, чем ушел из него, молодой, в 1887 году. Но столь же несомненно, что таланты Муромцева оставались ниже уровня его громадного характера, и что в дни своего государственного служения, не талантами своими, но характером заслужил он общее уважение, и не в талантах его, а в характере нуждалась Россия. И он ответил на ее нужды и оказал ей именно те услуги, в которых она нуждалась. Пожалуй, можно так выразиться: его талантом был его характер.

Этот человек был истинный римлянин в политической системе своей. Он занимал

свои позиции медленно, с осмотрительностью и осторожностью, но, однажды заняв, уже не уступал их никогда и никому. Враждебный натиск мог уничтожить его, но не отстранить и не попятить. Таков он был и председателем московского юридического общества, и редактором юридического журнала (громадная заслуга Муромцева, мало отмеченная в его некрологах!), и профессором, и проректором университета, и председателем первой Государственной думы. Во всех этих положениях он претерпел очередные «гражданские смерти»: погибло общество, закрыт был журнал, отнята профессура, распущена первая Государственная дума. И всегда Муромцев спокойно смотрел надвигающейся смерти в глаза и шага не делал, чтобы ее насилие обошло его как-нибудь боком и мимо. Я в деле – я и в ответе! Это был истинный воин гражданственности и воин-богатырь! Весь скованный из дисциплины и чувства долга, этот благовоспитанный красавец-человек, с недвижным лицом мраморной статуи, был бы, вероятно, грозен и страшен застылым холодом своим наверху исполнительной вла-

сти, но нельзя было не любоваться им, как главою и сдерживающим началом законодательного учреждения, его защитником и стояльцем. Говоря языком старинных московских наказов, «держал он имя народного представителя *честно и грозно*» и выше этого имени не полагал ни звания, ни силы на земле. Даже скептиков как я, который в своем «Красном знамени» признавал и за первую Государственную думою политических возможностей не больше, чем дали дальнейшие, побеждала иногда эта совершенная стойкость человека, стоявшего, как маяк на утесе среди бурного людского моря, эта ровность и уверенность живой машины, знающей, что она-то уж не сойдет с рельсов, разве что рельсы из-под нее выдернут. Так, конечно, и случилось: машину нельзя было своротить, — так рельсы выдернули!

Какая редкость на Руси человек с характером, обнаружилось поразительною дружностью избрания С. А. Муромцева на пост председателя первой Государственной думы. Это всеми теперь отмечено. Президентом предполагавшегося парламента явился, действи-

тельно, единственный возможный избранник всего русского образованного общества, человек, намеченный гласом и перстом всей русской интеллигенции. У него не было ни соперников, ни конкурентов, – и не могло быть. Цельность Муромцева была так исключительна и заметна, что у него – можно сказать – от юности на лбу написано было: «Если в России будет парламент, то сей – президент парламента».

Сообщенный в газетах анекдот о пророческой шутке Муравьева, который, будучи студентом, себе предсказал пост министра юстиции, а Муромцеву – председателя палаты депутатов, чрезвычайно выразителен.

И еще более ярко характеризует Муромцева, что он, собственно говоря, был первым и покуда последним фактическим председателем Государственной думы: преемники его – не более как суррогаты, попадавшие в президиум, как раки на безрыбье, только потому, что не может же «парламент» оставаться без президента, нужен же «парламенту» какой-нибудь президент! Разница в индивидуальности гг. Головина, Хомякова и Гучкова

нисколько не спасли их от единства в роли «соломенных редакторов», ответственных за весьма сомнительный изустный журнал притворной и скандальной болтовни, издаваемой гг. Пуришкевичами, Марковыми и tutti quanti[3] под титулом «Государственная дума», в каком им угодно тоне и направлении. Муромцев ушел, – и, глядь, депутатов много, а в председатели выбрать некого. Талантов – сколько угодно, а характеров – ни одного, а политического воспитания – ни у кого.

– Ах, дьявол?! Да как же быть-то? Перед Европою неловко, чтобы без председателя. Ведь Европа-то думает, что у нас и впрямь парламент. Ну, идите хоть вы, Николай Алексеевич... Не с чего, так с бубен!

Муромцев был председателем потому, что это было его врожденное право и дело; его преемники – председатели потому, что авось не боги горшки обжигают. И нельзя не сознаться, что плачевно утешительный афоризм этот им удалось оправдать в совершенстве: и не божественность свою блистательно доказали, и деятельность российского представительства упростили именно до степени

обжигания горшков.

Кадеты и кадетствующие либералы потеряли в Муромцеве громадную силу. У них есть люди гораздо талантливее, шире, ярче Муромцева (Максим Ковалевский; Родичев как оратор; Маклаков), много людей, равных ему образованием (Милюков) либо правовой ясностью и твердостью государственной теории (Гессен), но не стало среди них человека-уста, человека-скалы, который с полным убеждением мог бы сознавать: «Я – совесть партии. Я – ковчег ее идеала. Я – пробирный камень ее правды и ошибок».

А Муромцев мог, – и с полным нравственным правом. Это был носитель сверхчеловеческой порядочности, пред которою даже и очень хорошим людям, но – людям, становилось иногда немножко жутко.

Оглядываясь на тридцать лет общественной жизни Муромцева, я вижу его иногда в положении критическом, щекотливом, тяжелом, но никогда – в оскорбительном, недостойном, смешном. Его величественная поза была прирожденная и, в каких бы то ни было обстоятельствах, он, верный себе и неменяю-

щийся, не мог быть «ridicule»[4] – опасность, на краю которой стоит всякая сделанная поза. У всякого другого вышло бы комическою наивностью, что человек ждал себе посмертного, так сказать, апофеоза и приготовил загробную благодарность на этот случай. Но к Муромцеву это идет, как аккорд, заключающий строгую симфонию жизни, как последний удар резца, завершающий мраморную статую. Человек исчез, но на пьедестале стоит мраморный полубог, сверхчеловечески уверенный, сознательный, прекрасный и – благосклонный к последователям своего неперменного будущего культа. Divus Sergius[5].

Fezzano 4 ноября 1910

Примечания

1

«Талант – еще не характер» (нем.)

[^^^]

2

«Характер – еще не талант» *(нем.)*

[^^^]

Иже с ними (*ит.*)

[^^^]

«СМЕШНЫМ» (*фр.*)

[^^^]

5

Божественный Сергей (*лат.*)

[^^^]